

Н. Н. Муравьев-Амурский ПОСЛЕДНИЙ ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ

«Он умел узнавать и выбирать людей, стоял за своих подчинённых и особенно любил приближать к себе молодёжь, выдающуюся над невысоким уровнем общего образования. К делам своего управления он был весьма усерден: работал скоро хорошо, с какой-то лихорадочной деятельностью. Он был хороший администратор, особенно для края нового, в котором личные качества начальника начел не заменимы...»

Г. У. Фаллинсон

Мне иногда кажется, что я был знаком с ним лично — когда-то, не сейчас, в другой жизни. При всей его значимости в истории Кавказа, Сибири и Дальнего Востока он не воспринимается как символ или архетип: его личностные качества проявлялись во всём, что он делал, и, строго говоря, его успехи и достижения в значительной степени зависели от его личности, а не от статуса. Генералов было много, генерал-губернаторов — поменьше, а таких, как Муравьёв, — кроме него, больше не было: есть скрипачи, и есть Паганини... Уникальность масштабной личности — причём личности николаевской эпохи, боевого генерала, глубокого аналитика, тонкого дипломата и искреннего патриота — вызывает к нему такой же интерес, как к его современникам Чаадаеву, Ермолову, Сперанскому... Эти личности и есть реальная история того времени. А отнюдь не истолкование их славных дел записными идеологами — как тех времён, так и нашей современности... Историю изучают по биографиям и архивам, говорил когда-то великий русский историк Матвей Кузьмич Любавский. Золотые слова...

Фото: Евгений Слободской.

Текст: Михаил Кутузов (визитка на стр. 159)

Муравьёв предпринимал серьёзные усилия для изменения сложившихся подходов к управлению: будучи ограничен в людях, он осознанно и активно стремился к упрощению управленческого механизма, что предполагало усиление роли управленца и требовало от него сугубо практической профессиональной подготовки.

От лесов новгородских до ущелий кавказских: начало пути

Николай Николаевич Муравьёв родился в Петербурге 11 (25) августа 1809 года — не грех было вспомнить о его юбилее в прошедшем году... Семья его восходит корнями к XV веку, его предки были переселены в Новгородские земли во времена Ивана III. Отец его, Николай Назарьевич Муравьёв, начал свою службу в славный век Екатерины, но высот достиг при её внуке Александре: был капитаном первого ранга, был статс-секретарём Николая Павловича — будущего императора. Состоял в тесной дружбе с Алексеем Андреевичем Аракчеевым.

Николай Николаевич был первенцем во втором браке Николая Назарьевича. Он получил достойное домашнее воспитание, а затем поступил в недавно созданный Пажеский корпус, каковой и окончил первым по списку в 1827 году. (Его имя было увековечено на мраморной корпусной доске — в назидание последующим поколениям кадетов.) По окончании корпуса прапорщик Муравьёв был зачислен в гвардию, в Финляндский полк.

Понюхать, что называется, пороку молодому офицеру пришлось на Первой Балканской войне. О ней сегодня упоминает не каждый школьный учебник... А зря: именно в ту войну Россия стояла в двухдневном переходе от Константинополя! Николай Муравьёв участвовал в десантной операции против крепости Варна, в сражении при Кулевче — причём был отмечен своим командиром как первый взшедший на турецкий редут. Первая награда — Святая Анна — появилась на его оружии в 1828 году¹. Кроме боевого опыта, Муравьёв приобрёл ещё и опыт административный, поскольку из-за малярии был оставлен в Варне, а по выздоровлении попал в адъютанты к коменданту города, генералу Евгению Александровичу Головину. Помощь ему оказалась весьма важной школой для будущего восточносибирского генерал-губернатора. По возвращении в Россию Муравьёв недолго лечился от походных недугов: в 1830 году в Польше вспыхнуло восстание, и Финляндский полк был направлен на его подавление. Кампания была необычной: грамотные и искушённые польские генералы, прошедшие школу Наполеона, прекрасно знали полевою тактику, но сами были очень слабыми политиками — и не имели толковых политических заказчиков. Генералы воевали в охот-

¹ Крест ордена Святой Анны четвёртой, самой низшей, степени прикреплялся к рукоятке или крестовине личного холодного оружия: сабли, шпаги, кортика.

ку, как носятся по степи застоявшиеся в конюшне скакуны: пока сил хватит... Хватило примерно на год. Мечты о возрождении польской государственности так и остались мечтами. Муравьёву в той кампании пришлось участвовать и в дальней конной разведке, и в многочисленных стычках с полупартизанскими отрядами повстанцев, и в многочисленных переговорах с польскими инсургентами. Полученный им опыт ещё не раз потребует в будущем.

По окончании польской кампании капитан Муравьёв некоторое время жил в имении, занимался хозяйством — не сказать чтобы с большой охотой и успешно. В 1838 году в чине майора он снова поступил в военную службу — к старому знакомцу генералу Е. Головину, на Кавказ, адъютантом «для особых поручений». Проще говоря, для агентурной и оперативной разведки и «разложения противника». Попал Муравьёв в самое пекло: время кавказских мюридов было в самом разгаре... Всего за два года получил повышение в чине, несколько наград и тяжёлое ранение в руку — не где-нибудь, а при штурме Ахульго, где месяц держал оборону сам Шамиль... В 1840 году он был назначен исполняющим обязанности командира отделения Черноморской линии — проще говоря, получил в ответственность часть черноморского побережья, которую следовало оборонять от возможного десанта с моря (опасались англичан) и от прорыва с гор (опасались черкесов). Один из его сослуживцев, впоследствии ставший полным генералом и сенатором, Григорий Иванович Филипсон писал о Муравьёве в своих воспоминаниях: «Он умел узнавать и выбирать людей, стоял за своих подчинённых и особенно любил приближать к себе молодёжь, выдающуюся над невысоким уровнем общего образования. К делам своего управления он был весьма усерден: работал скоро, хорошо, с какой-то лихорадочной деятельностью. Он был хороший администратор, особенно для края нового, в котором личные качества

В грандиозных олимпийских застройках найдётся ли место для памятника тем, кто осваивал эти дикие места полтора столетия тому назад?

Тридцати двух лет он привёз в Петербург — для представления царю — лидеров местных племён, лично их представлял императору и получил возможность обсуждать с Николаем I множество вопросов, касающихся не одного лишь Кавказа... Царь запомнил молодого генерала.

начальника ничем не заменимы...» . Очень точная характеристика! Следует отметить, что уже тогда Муравьёв предпринимал серьёзные усилия для существенного изменения сложившихся подходов к управлению. Будучи ограничен в людях, он осознанно и активно стремился к упрощению управленческого механизма, что, в свою очередь, предполагало усиление роли управленца и требовало от него высокой профессиональной подготовки, причём не теоретической, а сугубо практической... Это шло вразрез с принятой тогда в Российской империи управленческой практикой, которая была ориентирована на усложнение механизма управления с задачей дополнительного контроля за управленцами другими управленцами... Что автоматически вело к снижению роли каждого управленца и, в конечном счёте, приводило к полной безответственности и отсутствию какой бы то ни было инициативы снизу: начальство не велит — делать ничего не станем... Вам это ничего не напоминает, уважаемые читатели?

В 1841 году под его командованием проведено несколько операций в долине реки Сочи (в те времена — сплошное зловонное болото, «славившееся» малярией и змеями), его солдаты и казаки заложили крепость Гагры. В грандиозных олимпийских застройках найдётся ли место для памятника тем, кто осваивал эти дикие места полтора столетия тому назад? Очень хотелось бы надеяться...

4 июня 1841 года Муравьёву было присвоено звание генерал-майора. Ему был 31 год! На следующий год он привёз в Петербург — для представления царю — лидеров местных племён, лично их представлял императору и получил возможность обсуждать с Николаем I множество вопросов, касающихся не одного лишь Кавказа... Царь запомнил молодого генерала.

От Тулы до Камчатки: дорога дорог...

Кавказская служба генерала Муравьёва завершилась в 1844 году. Он был разочарован политикой на Кавказе. В письме брату Валериану за год до отставки он писал: «...гражданское управление полезно для Кавказа... Вас пошло обманывают со всех сторон: Кавказ у меня в голове и в памяти, Петербург перед глазами, а потому я имею возможность судить прямо обо всей этой трагедии и желал бы всем близким для меня людям поскорее сойти со сцены, как для того, чтобы предотвратить свист зрителей, так ещё более, чтобы кулисы не обрушились и не задавили актёров...» Мнение резкое, но не исключительное: во второй половине 40-х годов так думали многие половевавшие в Чечне и Дагестане... Сам Муравьёв немало способствовал развитию именно переговорного процесса на Кавказе: опыт переговорщика, освоенный ещё в польскую кампанию, оказался как нельзя кстати. Его усилия давали весомый результат: многие «немирные горцы» соглашались на определённых условиях сложить оружие и принять подданство русского царя; осенью 1843 года такое желание изъявил Хаджи Берзек — очень влиятельный «лидер вооружённых формирований». Это было поставлено в заслугу именно генералу Муравьёву, причём не в Тифлисе (за мирные переговоры наград не давали, так что военное командование смотрело на подобные экзерсисы господ командиров как на блажь), а в Петербурге, где важен был итог, а не технология...

В 1845 году Муравьёв получил отпуск для лечения за границей. Европа произвела на него впечатление, но весьма специфическое: «Я чувствую, что для понятий моих... лучше видеть

мало, но основательно, чем много, но мельком... Страсть узнавать кулисные причины действий, страсть к истине во всей её наготе, развиваются во мне более и более... я убеждаюсь, что поверхностные суждения всегда ошибочны, и что только опыт и наблюдение раскрывают перед нами пути Провидения» (из письма брату). Во Франции он познакомился с мадемуазель Катрин де Ришмон, весьма увлечшей его мысли и чувства...

В декабре 1845 года Муравьёв по именному повелению был причислен к Министерству внутренних дел «для исполнения поручений по случаю предполагаемого назначения его впоследствии в должность военного губернатора, с сохранением военного чина». В июне 1846 года назначение состоялось: генерал Муравьёв стал тульским военным губернатором. В должности он пробыл чуть больше года, но именно в этом своём статусе женился на француженке де Ришмон, ставшей в православии Екатериной Николаевной Муравьёвой.

В сентябре 1847 года Муравьёв готовился встречать в Туле царя. Однако царская кавалькада проскочила город без остановки, флигель-адъютант передал распоряжение следовать за царём до первой станции на Орловском тракте, догнать его удалось лишь на третьей — Сергиевской. В станционной зале, около 7 часов утра 5 сентября 1847 года, Николай I огорошил тульского губернатора: с сего часа он назначен исполнять должность иркутского и енисейского генерал-губернатора, командующего войсками, расквартированными в Восточной Сибири. Загадочная фраза, сказанная императором в завершение аудиенции, создавала дополнительную интригу для вновь назначенного на должность: «Что же касается до русской реки Амур, то об этом речь впереди...»

С делами сибирскими Николай Николаевич начал знакомиться ещё в Петербурге. Прежде всего, ему стало по-

Портрет кисти Константина
Маковского запечатлел
Н. Н. Муравьёва-Амурского
на фоне Тихого океана
с картой побережья.
Внимательный наблюдатель
увидит «кавказское кольцо»
на правой руке: таким взводили
тугие замки кремнёвого оружия,
по этому кольцу узнавали друг
друга кавказские ветераны.

Муравьёв немало способствовал развитию именно переговорного процесса на Кавказе: опыт переговорщика, освоенный ещё в польскую кампанию, оказался как нельзя кстати. Его усилия давали весомый результат: многие «немирные горцы» соглашались на определённых условиях сложить оружие и принять подданство русского царя.

нятно, с какой стати на него свалилась такая должность: в Китае шла опиумная война, англичане грозили овладеть значительной частью территории и вплотную приблизиться к Сибири с её немислимыми ресурсами. Американцы вели войну с Мексикой за Калифорнию и Техас — а это выход к Тихому океану на огромном побережье... Наконец, застарелый неразрешённый вопрос об Амуре требовал окончательного разрешения — для чего необходим был человек решительный и имеющий как военный, так и административный опыт. Предыдущий генерал-губернатор Сибири, Иван Пестель, привёл управляемую территорию к совершенному упадку: воровство царило повсюду, золотодобыча не давала доходов в казну, Сибирь воспринималась исключительно местом ссылки и по освоенности мало отличалась от Луны. Кроме того, вокруг Сибири вращались интересы самых разных людей: и вельмож (поскольку «принадлежность» персоны к какой-либо важной государственной задаче автоматически увеличивала персональный вес чинуши и облегчала возможности прямого влияния на «хозяина земли Русской»), и акционеров Российско-Американской компании (а в числе оных были и члены императорской фамилии), и торгового люда, и иностранцев, сильно желавших, чтобы Сибирь оставалась самым большим в мире захолустьем как можно дольше... Сама интрига назначения была связана с противоборством двух крупных группировок при дворе: во главе одной из них стоял министр внутренних дел Лев Алексеевич Перовский, во главе другой — государственный канцлер Карл Вильгельм Нессельроде. Первый был яростным сторонником самостоятельного развития России в её собственных интересах, второй — сторонником развития России как члена Священного союза («Евросоюз» XIX века), одним из создателей и идеологов которого Карл Васильевич

(так его звали по-русски) и являлся. Император вынужден был считаться с обоими... Но при этом прекрасно понимал, что если на месте, в Сибири, будет действовать ставленник какой-то одной из партий — система «сдержек и противовесов» точно не сработает. Поэтому назначен был генерал, за спиной которого не было влиятельных «крышующих»: ни среди аристократии, ни среди истеблишмента. Со временем такие покровители неминуемо должны были появиться, но в самом начале работы Муравьёв был совершенно независим и имел возможность прямого доклада царю, что давало огромные преимущества перед теми, кто общался с «департаментскими».

27 февраля 1848 года Муравьёв прибыл в Красноярск. На следующий день в Петербург ушло донесение: «В должность вступил сего года 28 февраля. Генерал Муравьёв».

Три главных вопроса определяли круг задач губернатора на первом этапе его деятельности: золотодобыча, кяхтинская торговля и Амурская экспедиция. В золотодобыче, казалось вначале, достаточно будет всего лишь грамотной организации надзора, и с этим справились быстро, но впоследствии выяснилось, что всё не так просто... С кяхтинской торговлей дело было ещё сложнее: Кяхта, небольшой забайкальский городок, по объёму поступлений от торговли с Китаем ненамного отставала от великолепной Одессы, крупнейшего российского порта на Чёрном море. Однако удалённость Кяхты от Нижнего Новгорода² (главной ярмарки России, в современном понимании — «экспоцентра»), весьма серьёзные объёмы контрабанды, да и сами контрабандисты, которые передавали свой промысел из поколения

² Железной дороги тогда не было, и чай-шёлк в Нижний Новгород нужно было везти на возах. Разбойным людшкам приволье... Кстати, Томск и Кольвань имели в этом смысле самую дурную репутацию!

в поколение, — всё это невозможно было разрубить одним ударом. Попутно отметим, что кяхтинской торговлей Муравьёв занимался весь срок своего губернаторства, но так и не считал, что довёл дело до конца. В своей записке царю в 1849 году он писал:

«Я нашёл здесь весь народ... под влиянием и в руках богатых торговцев, промышленников и откупщиков и почти всех без исключения чиновников на содержании и в услугах тех же богатых людей. Я строго и твёрдо принялся действовать против этого направления... сначала один, потом с помощью нескольких сотрудников, прибывших со мною сюда на службу, но все усилия наши... возбудили однако ж опасную для нас борьбу с золотом, опасную не внутри края, где твёрдость моя внушает страх и уважение... а в самой столице, где редкий департамент не вооружён против настоящего управления Восточной Сибирью. Я осмелился сказать это только для того, чтобы доказать, сколь слаба надежда уничтожить влияние богатого промышленного и торгового класса на всё народонаселение, и что в тех же видах я опасуюсь сосредоточения богатств в немногих руках при настоящем учреждении о золотопромышленности; богатый же этот класс и более образованный, по происхождению своему и по удалённости от центра Империи вовсе не имеет чувств... преданности Государю — он ко всему равнодушен, кроме своих выгод».

Опять напрашивается вопрос: уважаемый читатель, вам не кажется это знакомым до боли?

Амурский же вопрос встал ребром, причём с весьма неожиданной стороны... Прибытие Муравьёва в Иркутск побудило к активности двух англичан: мистера Хилла, проживавшего в Иркутске постоянно, и вскоре прибывшего туда мистера Остина. Этот последний, получив у Хилла необходимую информацию, якобы в интересах «геологических

В 1851 году в Иркутске было создано Сибирское отделение Русского географического общества, взявшее на себя всю работу по исследованию громадной территории, ставшее предшественником Сибирского университета, который будет открыт только в 1888 году. | Фото: Виктор Бут.

изысканий» добрался через Байкал до Нерчинска и вознамерился спуститься по Шилке до Амура, а Амур пройти до самого устья, откуда полагал добраться до Америки с каким-нибудь китобоем. Узнав об этом, Муравьев принял решительные меры — и вовремя: Остина что называется взяли под микитки буквально за день до начала сплава... В письме министру внутренних дел графу Перовскому Муравьев настоятельно потребовал начать амурскую экспедицию немедленно. Однако ответ, пришедший с эстафетой очень быстро, всего за три недели, остудил пыл: сам Перовский был за экспедицию... «но не так думает граф Нессельроде; он будет всеми силами стараться отклонить всякую решительную меру, и в этом отношении поддержит его непременно министр финансов; первый поставит на опасение разрыва дружеских отношений наших с Англией, второй упрётся на вредные последствия для

нашей внутренней мануфактурной торговой промышленности от разрыва с Китаем, посему безошибочно можно сказать, что сочувствия от тех, от кого настоящий предмет наиболее зависит, вы ожидать не можете...» То есть сорвали англичанам экспедицию — замечательно. На этом пока остановимся... А с царём будет проведена соответствующая подготовительная работа, как обещал министр внутренних дел Перовский... К Амуру было велено пока не приближаться. Заняться инспекцией «управляемой территории»... Ключевым пунктом этой деятельности становилась Камчатка.

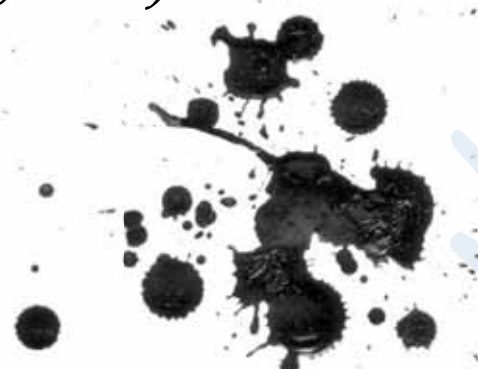
Ещё в 1848 году из Кронштадта на Камчатку через три океана вышел снабжённый на деньги Российско-Американской компании шлюп «Байкал» под командованием капитан-лейтенанта Геннадия Невельского: они с Муравьевым познакомились ещё в Петербурге. Не-

вельской буквально бредил Амуром: он вознамерился найти устье реки со стороны Сахалина, то есть пре-взойти самого Лаперуза, который это самое устье не нашёл и оставил свое имя на карте Тихого океана в названии пролива между Хоккайдо и Сахалином. Муравьев хотел дойти до Камчатки: посуху до Охотска и далее морем до Петропавловска, то есть стать первым восточносибирским генерал-губернатором, лично взглянувшим на вулканы и знаменитых «Трёх Братьев» — скалы у входа в Авачинскую бухту... По его расчётам, к моменту прибытия на Камчатку его экспедиции туда же должен дойти и «Байкал» под командованием Невельского.

Из Иркутска через Якутск в Охотск, оттуда морем до Камчатки — вся дорога заняла чуть больше двух месяцев. Однако в Петропавловске Муравьеву сообщили, что Невельской не стал его дожидаться и ушёл к Сахалину «для известных Вашему Превосходительству изысканий». Осмотрев Авачинскую бухту, Муравьев отдал распоряжение... о подготовке порта к обороне от нападения с моря! Обоснование своему ре-

«Я чувствую, что для понятий моих... лучше
видеть мало, но основательно, чем много, но мельком...
Стремление узнавать кулисные причины действий,
стремление к истине во всей ее наготы, развиваются во
мне более и более... я убеждаюсь, что поверхностные
суждения всегда ошибочны, и что только опыт и
наблюдение раскрывают перед нами пути Провидения»
(из письма брату, 1845).

Муравьев получил в управление территорию в совершенном упадке: воровство царило повсюду, золотодобыча не давала доходов в казну, Сибирь воспринималась исключительно местом ссылки и по освоенности мало отличалась от Луны. | Фото: Светлана Лишневецкая.

шению он дал в письме Л. Перовскому: «Авачинскую губу следует укрепить, а без этого она будет игрищем самой незначительной враждебной эскадры; там ныне уже были два английских военных судна в одно время; на них было 200 человек экипажа... Лучшая карта этой губы составлена англичанином Бичем... Я много видел портов в России и в Европе, но ничего подобного Авачинской бухте не встречал; Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россией, чтобы завладеть ею, а потом заключить мир, но уже Авачинской бухты она нам не отдаст, и если бы даже заплатила нам миллион фунтов за неё при заключении мира, то выручит его в самое короткое время от китобойства в Охотском и Беринговом морях; Англия, разумеется, никого не пустит в эти моря бесплатно...» Управление Камчаткой изменилось: она получала статус отдельной области, военным губернатором туда был назначен генерал-майор Василий Завойко. Укрепление порта началось уже в следующем году. До Крымской войны оставалось четыре года...

Прибыв 16 августа с Камчатки в Аян³, Муравьев был немало обеспокоен тем, что «Байкала» там не было... Он появился лишь утром 3 сентября. Доклад командира корабля Муравьев принимал, балансируя во весь рост в шлюпке, припомнив забытые навыки черноморского десантника. Невельской, перегнувшись через фальшборт, прокричал: «Господь Бог нам поможет... Главное конечно, всё благополучно! Сахалин остров, вход в лиман и река Амур возможны для мореходных судов с севера и с юга! Вековое заблуждение положительно рассеяно⁴. Истина обнаружилась, доношу Вам об этом ныне...»

Теперь амурский вопрос можно было форсировать: устье Амура русское, снабжение Камчатки из Сибири становится реальной и весьма прибыльной перспективой, не говоря уж о военной стороне вопроса... Было с чем ехать в Петербург.

³ Село, административный центр Аяно-Майского района Хабаровского края. Расположено на берегу Охотского моря.

⁴ В России и за рубежом преобладающим было мнение о том, что Амур теряется в песчаных наносах и в своём устье несудоходен. Заблуждение зиждется на отчётах плавания Лаперуза.

«Испить из Амура почитаю за счастье...»

Весь 1850 год шла тщательная подготовка этой важнейшей поездки. Всю весну и лето велась работа по переходу Охотского порта в Петропавловск, в начале августа в 25 верстах от устья Амура Невельской основал военный пост, названный Николаевским — нынешний Николаевск-на-Амуре. Осенью Муравьев прибыл в Петербург. Для серьёзной схватки с высшими государственными чиновниками, которым он сумел доказать свою правоту. Чиновничий террариум единомышленников такой дерзости не прощает: по неизменным законам этого стада оно всегда начальник и оно всегда право! Даже если ни на что путное не способно... Началось с вновь заложенных амурских военных постов. Нессельроде был категорически против того, чтобы их усиливать и укреплять: якобы из опасения «ввода китайских войск на земли гиляков». Ему вторили многочисленные департаментские креслозаниматели — иные из собственно интереса, как, например, министр финансов Вронченко (в стране с деньгами напряжёнка), иные — из корпо-

Три главных вопроса определяли круг задач губернатора на первом этапе его деятельности: золотодобыча, кяхтинская торговля и Амурская экспедиция. Кяхта, небольшой забайкальский городок, по объёму поступлений от торговли с Китаем ненамного отставала от великолепной Одессы, крупнейшего российского порта на Чёрном море.

ративной солидарности (мало ли чего он там делает — всё равно решать положено здесь!). В общем, дискуссии велись в очень напряжённой обстановке. Николай, однако, вмешался лишь через некоторое время, очевидно, уже приняв собственное решение на основании приведённых ему доводов. В феврале 1851 года вышло постановление об Амурской экспедиции, начальником которой назначался Г. И. Невельской. Муравьёву было поручено создать в Восточной Сибири боеспособную группировку, предназначенную для защиты этой удалённой территории и тех новых, которые неизбежно будут присоединены к России. Во всей Восточной Сибири из регулярных войск было всего четыре линейных батальона (примерно 1800 человек и ни одного передвижного орудия, все только крепостные, давно уже служившие экспонатами по истории освоения Сибири), расквартированных в Красноярске и Иркутске. Основу вооружённой силы должны были составить казаки, жившие в Забайкалье и Якутии с XVII века. Они несли охрану границы, установленной ещё Кяхтинским договором 1727 года, численность их составляла до 5 тысяч. Для обороны такой громадной территории — очень мало, по тогдашним сибирским понятиям — очень много. Муравьёв добился, чтобы в состав вновь учреждённого Забайкальского казачьего войска были включены не только городовые и пограничные казаки, казаки-инородцы (буряты и тунгусы), но и все посессионные крестьяне — крепостные, приписанные к казённым заводам. 21 июня 1851 года вышло Высочайшее повеление о формировании пеших батальонов Забайкальского казачьего войска. Кавалерия в нём уже была... В том же году в Иркутске было создано Сибирское отделение Русского географического общества, взявшее на себя всю работу по исследованию громадной территории,

ставшее предшественником Сибирского университета, который будет открыт только в 1888 году. Инспекционная поездка в Забайкалье была первой из множества последующих, имевших целью подготовку и осуществление амурского сплава — итога всех трудов, на Сибирь положенных. «Устроение инородцев», создание структур местного самоуправления, пригодных и для самих бурят и тунгусов, и для государственной системы контроля, потребовало двухлетних усилий, но в конечном счёте инородцы стали вполне лояльными и деятельными российскими подданными; при этом государство гарантировало свободу вероисповедания местным бурят, тем самым значительно снижая влияние проповедников из Китая и Тибета. Впереди был ещё и дипломатический диалог с Китаем — в котором уже без малого десять лет не заканчивалась смута. Вся подготовительная работа была завершена к зиме 1852–1853 годов; для окончательного доклада Муравьёв выехал в Петербург.

Аналитическая записка, написанная для этого доклада и представленная царю, и сегодня даёт нам один из лучших образцов геополитической модели внешней политики на значительном пространстве и в длительном времени. Вот лишь некоторые выдержки из этого документа:

«Действия англичан во всех частях света имеют одну цель: пользу Великобритании, а в выборе средств она никогда не останавливается. В течение 150 лет в Сибири у России конкурентов не было; теперь они появились, поскольку у самой Сибири, недавней «окраины мира», появилась перспектива. Эта перспектива — Тихий океан. На берегах которого — и азиатском, и американском — Россия стоит твёрдой ногой уже столетия... Двадцать пять лет назад Российско-Американская компания обращалась к правительству Империи с просьбой о занятии Калифор-

нии, сообщая свои опасения, что скоро область эта станет добычею Американских Соединённых Штатов. В Петербурге не поверили этому опасению и утверждали, что это может произойти лет через сто. Компания утверждала, что это может произойти через двадцать пять лет, и вот уже более года как Калифорния является одним из североамериканских штатов... Владычество Северо-Американских Штатов во всей Северной Америке так естественно, что нам очень и жалеть не должно, что двадцать пять лет тому назад мы не утвердились в Калифорнии, пришлось бы рано или поздно уступить её, но уступая МИРНО, мы могли бы получить другие выгоды от американцев. Впрочем, теперь, с изобретением и развитием железных дорог, более ещё, чем прежде, должно убедиться в мысли, что Северо-Американские Штаты распространятся неминуемо по всей Северной Америке, и нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придёт к им уступить Северо-Американские владения наши (!!!). Нельзя... при этом соображении не иметь в виду другого: что весьма естественно для России... господствовать на всем Азиатском побережье Восточного океана. По обстоятельству мы допустили в эту часть Азии англичан... но дело ещё может поправиться тесною связью нашею с Северо-Американскими Штатами. Англия употребит все усилия, чтобы не допустить этой связи: агенты её везде и всеми средствами стараются отдалить Америку от России. К самым существенным условиям Англии в этом отношении должно принадлежать: овладеть Камчаткой или оставить её пустынною и господствовать на Восточных берегах Китая и Японии и таким образом отрезать Россию от Восточного океана. Нет сомнения, что в эту же систему должно входить овладение Сахалином и устьем Амура. Дабы, с одной стороны, приуготовить... для нашей Российско-Американской ком-

За спиной Муравьёва, отправившегося в заграничную поездку, были спешно предприняты действия по разграничению Китая и России, причём на условиях, более всего выгодных Англии: пограничные столбы предполагалось поставить вдоль левого берега Амура — вся река отдавалась китайцам, но плавать по ней явно предполагали господа англичане.

панию твёрдое и удобное владение, вместо Северо-Американского берега, а с другой стороны, быстрее и вернее развить наше владычество на принадлежащем нам берегу Восточного океана, необходимо ныне же разрешить Российско-Американской компании утвердиться на Сахалине, откуда неминуемо разовьётся торговля её с Японией и Кореею».

Доводы были неоспоримыми. 11 апреля последовало указание Российско-Американской компании о занятии Сахалина. Амурская экспедиция становилась государственным предприятием, с утверждёнными штатами, статусами и регламентами. Царь приказал расширить военное присутствие до залива Де Кастри — формально утвердив своим решением уже сложившуюся ситуацию... 22 апреля на высочайшей аудиенции Муравьёв делал доклад об амурских делах. Подойдя к карте, царь очертил пространство шириной с Европу, от Буреи до самого моря, и сказал: «Итак, это наше! Так и снести об этом с китайцами... но ведь я должен защищать это из Кронштадта!» На что Муравьёв возразил, указывая на Забайкалье: «Кажется, нет необходимости, Государь, так издалека, можно и ближе подкрепить!» Царь рассмеялся и сказал «Эх, Муравьёв, ты, право, когда-нибудь сойдёшь с ума от Амура!» Однако вопрос об Амурском сплаве более не дискутировался. Началась непосредственная подготовка к нему: транспортом, людьми, продовольствием...

Однако английское влияние в Петербурге было совсем неслабым: складывается впечатление, что Азиатский департамент Министерства иностранных дел был у них на жаловании... За спиной Муравьёва, отправившегося в заграничную поездку для лечения и на родину жены, были спешно предприняты действия по разграничению Китая и России, причём на условиях, более всего выгодных Англии: пограничные столбы предполагалось поставить

вдоль левого берега Амура — вся река отдавалась китайцам, но плавать по ней явно предполагали господа англичане. Затормозить практически начавшийся процесс Муравьёв успел, но, как принято говорить, «ровно за минуту до двенадцати». Самыми решительными действиями он остановил уже готовые было начаться переговоры и спешно выехал в Иркутск.

Тем временем Восточная война (у нас её не очень правильно называют Крымской) назревала неотвратимо. Сложившиеся европейские коалиции переформатировали Священный Союз таким образом, что России в нём места уже не находилось: крупные колониальные империи Англия и Франция приступали к переделу мира. Россия в этом была «немалой помехой». Да и дипломатия российская проигрывала позицию за позицией, стремясь во что бы то ни стало сохранить огрызки Священного Союза. После уничтожения турецкого флота у Синопа в ноябре 1853 года англичане и французы уже не могли отсиживаться на галёрке большой войны. В марте 1854 года в Париже и Лондоне официально объявили о разрыве с Россией...

Как раз в это время Муравьёв добрался до Иркутска. Не задерживаясь в городе, он направился в Забайкалье, где в станице Шилкинской строились пароходы и вязались плоты для сплава по Амуру, каковой необходимо было совершить в этом году: значительная часть сплавляемых войск предназначалась для усиления Петропавловского гарнизона. Весна прошла в заботах; Забайкалье всколыхнула весть об Амурском сплаве, который теперь из важнейшей государственной тайны становился важнейшим национальным проектом: Восточная Сибирь, бывшая прежде самым дальним захолустьем империи, страной варнаков и каторжан, становилась пространством новых перспектив! Сибирское купечество, казаки, промышленники были крайне в этом заинтересованы:

их отношение к крутому характером генерал-губернатору резко переменялось в лучшую сторону...

Не особенно рассчитывая на государственное финансирование, тем более — в условиях войны, торговый люд был готов вкладывать немалые суммы в предприятия Муравьёва, в надежде на будущие доходы... К началу мая все сплавные собрались в Шилкинском заводе.

14 мая 1854 года в четыре часа полудни в лагере сыграли тревогу. Несколько сот линейных солдат, казаков, «мещан и купечества» спустились к берегу Шилки, где благочинный протоиерей Симеон Боголюбский совершил торжественный молебен, благословив экспедиционеров на трудный путь, «окончание коему по воле Божией». Быстро погрузились на лодки и плоты — через два часа караван отвалил от берега и выгреб на стремнину... Генеральский шитик шёл первым, за ним почти на две версты растянулись плоты и лодки. Перед отплытием через кяхтинского градоначальника Муравьёв известил китайцев о том, что в связи с началом войны русские войска намерены пройти Амуром до океана и далее на Камчатку. Если китайская сторона вознамерится к этому каким-то образом отнестись, то это можно будет сделать по прохождении Айгуня. Точка. Муравьёв...

16 мая экспедиция достигла Горбицы — крайней казачьей станицы Забайкалья. Здесь к ней присоединилась казачья команда из 109 человек. Далее плыть предстояло в неведомое... 18 мая в два часа полудни сплав вошёл в Амур! Хрустальным бокалом из французского приданого Николай Николаевич зачерпнул амурскую воду и выпил — под залпы штуцеров и пушек... Через сто пятьдесят лет русские снова были на Амуре! 20 мая под звуки церковного гимна «Коль славы наш Господь в Сионе» сплав медленно и торжественно приблизился к месту, где стоял когда-то героический Алба-

Восточная Сибирь, бывшая прежде самым дальним захолустьем империи, страной варнаков и каторжан, становилась пространством новых перспектив! | Фото: Андрей Козловский.

18 мая в два часа пополудни сплав вошёл в Амур! Хрустальным бокалом из французского приданого Николай Николаевич зачерпнул амурскую воду и выпил — под залпы штуцеров и пушек...

зин. Здесь был отслужен молебен о тех, кто погиб в 1689 году во время героической обороны. Целый день провели сплавы на этом месте — словно набираясь сил для дальнейшего пути. На следующий день отвалили от берега. Когда выстрелила полуденная пушка на головном плоту, с утёса от шума сорвался древний крест — то ли с могилы, то ли пограничный... Этот знак был истолкован однозначно: предки благословляют идущих за горизонт, предоставляя им право воздвигнуть крест там, куда сумеют дойти, — в память погибших на долгом пути и в знак его окончания.

Дальнейший путь был во мраке. Карт не было, лоций не было — единственными ориентирами служили течение, часы и компас. Проплыв за неделю 400 вёрст по совершенно дикой и безлюдной пустыне, экспедиционеры явственно ощутили себя песчинкой во вселенной: путь был только вперёд. Но сколько его было — никто не знал. 28 мая караван достиг устья Зеи: вперёд были посланы чиновник для поручений и переводчик, упредить китайские власти Айгуна о прохождении русского сплава. Китайцы не на шутку перепугались — не столько кораблей и солдат, сколько неясности собственных действий в отсутствие инструкций высокочтимого начальства. Было решено не чинить препятствий русским, лишь бы поскорее плыли своим путём. 30 мая прошли устье Буреи, 2 июня — устье Сунгари, через три дня — устье Усури, место нынешнего Хабаровска. Вскоре Амур резко повернул на север, и плыть по нему стало ещё труднее из-за многоводья: июнь месяц — самые тайфуны, а с муссонным климатом русские совершенно не были знакомы. 10 июня передовые углядели парусную лодку, лихо лавировавшую против ветра: это явно был европейский моряк... Им, против опасения, оказался не англичанин, а русский лейтенант Даниил Разградский из Амурской экспедиции Невельского. Он-то и просветил относительно места сплава: в пятистах верстах от Мариинского поста. Через четыре дня экспедиция прибыла в Мариинский пост. Невельский встретил Муравьёва докладом о том, что вверенные ему силы находятся в боевой готовности, корабли собрались в Императорской гавани (сегодня называется Советская гавань), пикеты на Сахалине и в низовьях Амура имеют постоянную с ним связь. Англичан не замечено... Первый сплав по Амуру был завершён.

В первую очередь было отправлено пополнение для Камчатки — успеют

Муравьев высказал пожелание заложить на берегах залива Петра Великого «поселение мореплавателей» — будущий Владивосток, тихоокеанскую столицу России. | Фото: Евгений Слободской.

как раз вовремя. 9 августа на шхуне «Восток» Муравьев вышел в Аян. Там произошла у него замечательная встреча с Иваном Александровичем Гончаровым, который в своих записках оставил блистательную характеристику Муравьева: «Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, борющаяся с препятствиями, которые тормозили его ретивый пыл! Небольшого роста, нервный, подвижный. Ни усталого взгляда, ни вялого движения я ни разу не видал у него. Это и боевой отважный борец, полный внутреннего огня и кипучести в речи, в движениях. Его угадал император Николай Павлович... Ни тот, ни другой не были чиновниками и поняли друг друга. У меня ещё так свеж в памяти образ настоящего пионера — бойца с природой, с людьми... и в то же время вынужденного бороться

за хребтом с графом Нессельроде, о котором он не мог говорить хладнокровно... Он одолевал природу и оживлял, обрабатывал и населял бесконечные пустыни. Но его, в свою очередь, одолевали чиновники. Пылкий, предприимчивый дух этого энергичного борца возмущался: человек не выдерживал, скрежетал зубами, и из обыкновенно ласкового, обходительного, приличного и любезного он превращался в мгновение ока в рыкающего льва. Он был со мной на Амуре... откровенен, не стеснялся в беседах, как с лицом посторонним тамошним делам... Кто не увлекался этой яркой личностью — только его враги».

Тем временем Восточная война на Тихом океане перешла в свою основную фазу. Англичане и французы ставили своей задачей закрепить побережье, для чего нужно было захватить те удобные бухты, о кото-

рых было известно. Петропавловская оборона, длившаяся всего неделю, полностью сорвала все планы англо-французской эскадры, которая никак не ожидала столь хорошо организованного отпора... Мало того: англичане от великого ума решили замаскироваться под американцев и вошли в бухту под американским флагом. Однако в Петропавловске постоянно проживали американцы-торговцы и китобои, они были возмущены подобной выходкой и сражались за Петропавловск на одних редутах с казаками и линейцами. Победа была полной: английский адмирал от позора застрелился... Муравьев воспринял известие об этой победе достаточно спокойно: он её готовил четыре года и не сомневался в успехе... Его занимал второй сплав по Амуру — уже не с военными, а с постоянными поселенцами. Большую помощь в организации этого сплава ему оказывал Михаил Волконский — сын ссыльного декабриста. Из Иркутска Муравьев написал брату: «На старости лет останет-

*«На старости лет останется у меня много замечательных воспоминаний; но вижу, что пять лет ещё надобно послужить, а без того заглохнет Амур... надеюсь, после этих пяти лет меня выпустят на свободу, одно чего могу желать, а повышений для меня уже нет...»
(из письма брату, 1854)*

ся у меня много замечательных воспоминаний; но вижу, что пять лет ещё надобно послужить, а без того заглохнет Амур... надеюсь, после этих пяти лет меня выпустят на свободу, одно чего могу желать, а повышений для меня уже нет...»

1855 год для Муравьёва был сложным. Узнав о кончине Николая I, он сделал вывод о закате собственной звезды: при всех его плюсах, он слишком тесно был связан с николаевской эпохой, которая считалась уже отжившей. Понимая, что англичане попытаются взять реванш за Петропавловск, он приказал укрепить все возможные места десантирования на побережье — от бухты Де Кастри до Охотска и Аяна. Флот был выведен из Петропавловска (в бухте он был уязвим и бесполезен) и собран у Императорской гавани и частично — в Аяне. Началось перевооружение Забайкальского казачьего войска нарезными штуцерами — лучшим стрелковым оружием того времени. И вовремя: весной 1855 года командор флота Её Величества Эллиот со своей эскадрой предпринял активные поиски неуловимых камчадалов и даже сумел их обнаружить в заливе Де Кастри, но упустил. В повторении попытки сомнения не было... В начале июня Муравьёв прибыл в устье Амура. С амурским сплавом доставили силы для обороны побережья и даже артиллерию. К обороне приуголовились основательно... Именно тем летом начались первые переговоры с китайцами о разграничении по Амуру: петропавловская победа была весьма серьёзным аргументом в пользу русской стороны, китайцам ясно давали понять: англичан можно бить. Особенно если вдвоём... Однако китайцы по обычной своей привычке пытались темнить, разыгрывая старую карту 1853 года — о границе по левому берегу Амура. Переговоры провисли... Англичан, между тем, не было... Муравьёв завершил подготовку

к обороне и оставил гарнизону свой замечательный приказ, многократно впоследствии цитированный и ставший уже хрестоматийным: «Войска, на устьях Амура сосредоточенные... нигде от неприятеля не отступают, в плен не сдаются, а побеждают на своих местах или умирают, памятуя слова великого князя нашего Святослава: ту ляжем костьми, мертви бо сраму не имут. Герои Петропавловского порта покажут нам пример самоотвержения, русской силы и безусловного повиновения». 1 октября он отбыл в Иркутск через Аян, куда отплыл на зафрахтованном американском барке «Пальметто». Ровно через два дня, утром 3 октября, английская эскадра вошла в Де Кастри. 120 человек гарнизона заняли оборону. Главной силой оборонявшихся были казаки, вооружённые дальнобойными штуцерами — причём стреляли они не как англичане под Севастополем — одиночными стрелками, а залпом, плутонгами. Этого тактического приёма десантники не знали — на чём и погорели... В 9 утра вся эскадра втянулась на рейд и отдала якоря; семь гребных катеров с четырьмя сотнями десанта устремились к берегу. Но пройти они сумели едва ли половину пути: как только катера миновали пристрелянные вешки, с берега грянул мощный залп из множества штуцеров. Офицеры были выбиты с первой же минуты боя; катера потеряли управление, один из них налетел на мель. Катерам был дан сигнал возвращаться к кораблям — но им стреляли и вдогонку. К полудню корабли рискнули приблизиться к берегу для артиллерийской бомбардировки, но незнание акватории вынуждало их быть предельно осторожными: не зная глубин и течений, маневрировать под парусами очень сложно. Вторая, затем третья и четвёртая попытки высадить десант ничего не дали: грамотно расставленные стрелки, пристрелянная до аршина акватория (англичане так и

не смогли понять, что означали многочисленные вешки в заливе...) — всё это сделало своё дело. Две с лишним недели — все попытки десантирования были бесполезны. 17 октября упали барометры, и выпела развернуло от берега: начался тянуть материковый «сибиряк», суливший жестокие шторма. Эскадра вынуждена была уйти несолоно хлебавши...

По пути в Аян Муравьёв едва не попал в плен, спастись удалось исключительно благодаря собственному самообладанию и умению американского шкипера, имя которого история не сохранила. В Иркутск пришлось добираться уже по зимнику, через Якутск. 15 декабря вся команда Муравьёва прибыла в Иркутск — без единой потери.

«Амуру самим провидением суждено стать границей...»

18 марта 1856 года в Париже был подписан мирный договор. Канцлер Нессельроде в апреле ушёл в отставку, Министерство иностранных дел возглавил Александр Михайлович Горчаков, который заставил всю Европу прислушаться к тому, что «Россия сосредотачивается...» Весной 1856 года Муравьёв был в Петербурге. Ему оставалось решить последнее и наиболее важное из тех дел, которые лучше него всё равно никто не сделал бы... Речь шла о границе. Времена были не те: и Горчаков, и Александр II понимали необходимость решения вопроса на месте, но исходя из интересов всей империи.

В мае 1856 года сплав под командованием полковника Карсакова (правильно именно так, с ударением

«Войска, на устьях Амура сосредоточенные... нигде от неприятеля не отступают, в плен не сдаются, а побеждают на своих местах или умирают, памятуя слова великого князя нашего Святослава: ту ляжем костями, мертвши бо славу не ищут. Герои Петровавловского порта покажут нам пример самоотвержения, русской силы и безусловного повиновения».

на второй букве; он не имеет никакого отношения к Римским-Корсаковым, происходит из совершенно другого рода) прибыл в Айгунь. Остановившись на день, полковник провёл переговоры с местным градоначальником, в ходе которых известил чиновника, что в результате побед русско-оружия значительные территории в низовьях Амура остались российскими, поэтому движение по Амуру будет осуществляться как вверх, так и вниз. Для безопасности этой акции необходимо заложить на левом берегу Амура специальные продовольственные станции и посты — о чём, как надеется Карсаков, уважаемый градоначальник известит главные власти в Пекине... Первыми постами стали Камарский, Зейский, Хинганский. Третий сплав прошёл без осложнений. В то же время от русской духовной миссии в Пекине была получена очень важная информация: китайские власти находятся в полном расстройстве, никаким авторитетом не пользуются, всячески скрывают реальное положение дел на Амуре, и если о новом пограничном договоре станет известно в столице — переворот неминуем, что выгодно одним лишь англичанам. Поэтому правильнее всего было бы активно заселять вновь приобретённые земли с тем, чтобы по факту сделать их русскими. Идея была не нова, сам Муравьёв высказывал её ещё до первого сплава.

В 1856 году было отправлено распоряжение о возвращении в Забайкалье всех войск, направленных для обороны побережья, — более двух с половиной тысяч человек. Пройти им приходилось 2 300 вёрст совершенно необжитого пространства, причём идти приходилось и рекой, и берегом. Возвращение было очень

тяжёлым: многие погибли, и этим воспользовались давние недруги Муравьёва. Иные из них — как, например, ссыльный декабрист Михаил Завалишин — вовсе критиковали не только генерал-губернатора, но и всю политику России на Востоке, который якобы империи не нужен и даже вреден... Интересно отметить, что статью немедленно напечатал герценовский «Колокол», выходящий, если помните, в Лондоне. Возвращение Муравьёва в Петербург его всегдашние враги обставили всеми возможными пакостями: ему не предусмотрели места в коронационной свите, его обошли в присвоении звания полного генерала, амурский вопрос обсуждался чуть не извозчиками, причём с подробностями, о которых не подозревал ни Муравьёв, ни сам китайский богдыхан. Журналисты доносили пустячными вопросами, по городу ходили самые несуразные сплетни... Муравьёв был на грани нервного срыва. И подал рапорт об отставке! Но не тут-то было... Времена действительно изменились. Горчаков был крайне заинтересован в развале англо-французского союза и сближении с Францией. Для этого необходимы были реальные шаги, направленные против Англии, — в том числе и на Дальнем Востоке, где Англия по уши увязла в очередной опимной войне. Муравьёв был для этого фигурой весьма перспективной... Александр всерьёз задумывался об отмене крепостного права — едва ли не первую записку по этому важному вопросу его отцу составил... тульский военный губернатор Муравьёв! Наконец, удержать в единых руках весь сложный процесс на территории в несколько Германий мог только авторитетный в Сибири человек — таким был Муравьёв. У Муравьёва появился

влиятельный покровитель при дворе — великий князь Константин Николаевич, брат царя, ревнитель Русского географического общества. Вместо удовлетворения прошения об отставке Муравьёв был награждён орденом Святого и равноапостольного князя Александра Невского — орденом редким и престижным.

Возвращаясь в Иркутск, Муравьёв договорился с новым военным министром Н. О. Сухозанетом относительно отправки в Забайкалье ещё 1600 нарезных ружей, каковые предполагал доставить «на устья Амура по сту штук на баталион». Из этой арифметики можно предположить, какие войска он намеревался держать на побережье, всё ещё опасаясь вторжения англичан...

Последний удар англичан по Муравьёву был осуществлён из Петербурга. По причинам, до сего дня не выясненным, в обход Министерства иностранных дел (Горчаков в свою вотчину англофилов не допускал), через членов императорской фамилии была осуществлена акция, которую Муравьёв впоследствии метко обозвёт «путятинщиной». Адмирал Е. В. Путятин как раз успешно завершил свою миссию в Японии — ему поручалось «попутно» решить вопрос с Китаем. Путятин вряд ли подходил для такого дела: он был ему чужд, не считал амурский вопрос главным на востоке и стремился решить его «как можно скорее». Не вдаваясь в подробности, отметим: миссия Путятина с треском провалилась. Но забрала без малого год!

7 мая 1857 года Муравьёв начал очередной сплав по Амуру. В том сплаве впервые участвовал смыслёный пятнадцатилетний казачонок Роман Богданов. Паренёк глянулся

В течение 150 лет в Сибири у России конкурентов не было; теперь они появились, поскольку у самой Сибири, недавней «окраины мира», появилась перспектива. Эта перспектива — Тихий океан. | Фото: Андрей Токарев.

Вторая, затем третья и четвёртая попытки высадить десант ничего не дали: грамотно расставленные стрелки, пристрелянная до аршина акватория (англичане так и не смогли понять, что означали многочисленные вешки в заливе) — всё это сделало своё дело.

бездетному генералу, и тот приблизил его, благо казачонок «грамоте знал». Много лет спустя войсковой старшина Амурского казачьего войска⁵ Роман Константинович Богданов написал об этих событиях — его рассказ был опубликован в «Записках» Приамурского отдела ИРГО⁶. Книгу эту хранил в своей библиотеке Владимир Клавдиевич Арсеньев.

В станице Толбузинской (её по сути ещё не было) Муравьёв дал Богданову

указание приготовить лодку и до начала движения сплава быть готовым отплыть на ближайший остров, где было похоронено много солдат. Приплыли на остров затемно, генерал был мрачен, что-то шептал про себя и часто крестился. Затем он стал собирать кости, которые лежали прямо под ногами — волки растаскивали неглубокие захоронения... Подозвав Богданова, указал место, где нужно было копать могилу. Собрав все останки, какие смог найти, генерал-губернатор сам сложил их в яму и засыпал руками, стоя на коленях... Из плавника сдела-

ли небольшой крест, поставили его на могиле. Они долго молились у этого креста за упокой души погибших солдат, и Богданов видел слёзы на глазах генерала. Встав после молитвы, Муравьёв земно поклонился и сказал негромко: «Простите меня, безвинно погибшие, а в смерти вашей я не виноват». Об этой поездке стало известно уже после смерти Муравьёва...

«Путятинщина» ломала дрова напропалую... Изюм всех сил Путятин пытался выполнить порученную ему задачу, но ничего не получалось. Прежде всего, выяснилось, что китайцы ведут

⁵ Равен армейскому подполковнику.

⁶ Императорское Русское географическое общество.

21 мая 1858 года Муравьев отправил донесение царю о заключении договора о границе с Китаем. В тот же день архиепископ Иннокентий заложил храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а Усть-Зейский пост был переименован в Благовещенск. | Фото: Виктор Бут.

переговоры не в столице, а в специально для этого назначенных пограничных городах, и чтобы такие переговоры подготовить, нужны годы... Муравьев занимался этим более пяти лет, Путятин хотел всё сделать за полгода. В Пекин его не допустили. Он вынужден был ждать решения императорского двора, болтаясь на якоре в Печелийском заливе и проклиная «китайские церемонии»... Когда же в полученном ответе выяснилось, что китайцы намерены вести переговоры с уполномоченным генерал-губернатором Николаем Муравьевым — адмирал совершенно осатанел. Предложения его Петербургу были одно другого кошмарнее: запретить кяхтинскую торговлю, заблокировать с моря Печелийский залив... В общем, полный бред. Горчаков постепенно перехватил инициативу: переговоры будет вести Муравьев, какового нужно немедля вызвать с лечения в Мариенбаде и направить в Иркутск. Китайцам подтвердили его полномочия, а сам Муравьев по прибытии в

Петербург изложил основную фабулу переговоров. Она была достаточно проста: переговоры вести исключительно в мирном ключе, продолжать заселение Амура, а с будущего года — и Усури, развивать приграничную торговлю, строить города и порты на побережье Восточного океана. Сил для поддержания любых политических требований на Амуре достаточно — буде китайцы попытаются прибегнуть к силе, что маловероятно...

В апреле 1858 года, сразу за ледоходом, вниз по Амуру двинулся огромный сплав: пешая бригада и две батареи крепостной артиллерии двинулись к Усть-Зейской — будущему Благовещенску. Посланный вперёд чиновник известил айгуньского амбана (так назывался градоначальник), что генерал-губернатор Муравьев, облечённый полномочиями на проведение переговоров о границе, проследует в прекрасный город Айгунь в самом скором времени... но вряд ли задержится, в великой спешке пребываючи... Переговоры, скорее

всего, состоятся на обратном пути — месяца через четыре... Тактический приём сработал: караван был встречен за 80 вёрст от Айгуня посланными чиновниками с известием, что в Айгунь в скором времени прибывает важный государственный чиновник из Цицикара с полномочиями подписать договор о границе — не мог бы уважаемый губернатор задержаться на несколько времени для столь важного дела? Безусловно, столь важное дело стоило того, чтобы задержаться... 10 мая Муравьев прибыл в Айгунь. Переговоры длились всего шесть дней...

Начали с обсуждения статус-кво: Амур заселён российскими подданными, в устье Амура и на побережье — русские войска. Проект договора был передан китайской стороне на следующий день. В нём содержались основные предложения российской стороны. Вот они — практически дословно... Первое. Границе между двумя государствами быть по рекам Амуру и Усури и от истоков Усури — до реки Туманган. Второе: плавание по пограничным рекам возможно только для двух пограничных государств. Третье: по этим рекам ведётся свободная торговля. Четвёртое: китайским поддан-

В воздаяние за заслуги ваши, Я возвел вас своим указом в графское Российской империи достоинство с присоединением к имени вашему названия Амурского, в память о том крае, которому в особенности посвящены были в последние годы настоятельные труды ваши и постоянная заботливость. Александр.

ным, живущим на левом берегу Амура, даётся три года для переселения в Китай. Пятое: пересмотр всех прежних трактатов для постановления новых правил по всем предметам, касающимся до пользы и славы обоих государств. Шестое: настоящий договор считается дополнением прежних трактатов.

16 мая, ближе к вечеру, Муравьёв в парадном генеральском мундире со всеми наградами и в сопровождении надлежащей по случаю свиты прибыл к китайскому уполномоченному. Церемония заняла меньше часа: была сугубо деловой и даже несколько суховатой... Переводчики совместно проверили текст на русском и китайском языках, после чего и подписали его. После них подписали и Муравьёв с ццикарским губернатором, уполномоченным на эту акцию. И всё!

На Амуре открыли бутылку специально припасенного ещё из Иркутска шампанского — за успех трудного и славного дела... 21 мая Муравьёв отправил донесение царю о заключении договора. В тот же день архиепископ Иннокентий заложил храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а Усть-Зейский пост был переименован в Благовещенск...

В середине сентября в Иркутск придёт царский фельдъегерь. В пакете, переданном лично в руки генерал-губернатору, был Высочайший рескрипт⁷ на его имя...

«Граф Николай Николаевич! Примерно ревностное и полезное служение ваше, неоднократно ознаменованное военными подвигами и особыми отличиями на поприще гражданского управления, обратили на себя внимание в Бозе почившего Родителя Моего... Вы вполне оправдали доверие наше одиннадца-

тилетними неутомимыми трудами на пользу и благоустройство вверенной вашему управлению Восточной Сибири.

Просвещённым действиям вашим обязан этот край началом своего гражданского возрождения; благо-разумными мерами, вами принятыми, упрочены наши отношения с соседним Китаем, и заключенным вами трактатом дарован Сибири новый торговый путь по реке Амуру... Столь счастливое для России событие даёт вам справедливое право на искреннюю Мою признательность. В воздаяние за таковые заслуги ваши, Я возвёл вас своим указом, сего числа Правительствующему Сенату данным, в графское Российской империи достоинство с присоединением к имени вашему названия Амурского, в память о том крае, которому в особенности посвящены были в последние годы настоятельные труды ваши и постоянная заботливость. Пребываю к вам неизменно благосклонным и навсегда доброжелательным — Александр...»

Он ещё успел провести в своём новом графском статусе переговоры с Японией, дать название заливу Петра Великого и высказать желание заложить на его берегах «поселение мореплавателей» — будущий Владивосток, тихоокеанскую столицу России... В январе 1861 года он оставил Сибирь.

Послесловие

Его отставку император подписал рано утром 19 февраля 1861 года — через полчаса он подписал отмену крепостного права... Муравьёв-Амурский получил большой пенсион, 15 000 рублей серебром в год, и почти сразу же выехал за границу. Последние двадцать лет своей жизни он провёл во Франции, лишь изредка

наезжая в Россию. Он пережил Парижскую коммуну и франко-прусскую войну, с большой заинтересованностью изучал донесения с Балкан, где шла война с Турцией. Встречался с различными политическими деятелями, с русскими приезжими... Известие о покушении 1 марта 1881 года на Александра II застало его совсем больным — он с трудом добрался до церкви, чтобы отстоять литургию.

В метрических книгах Свято-Троицкой Александро-Невской церкви, состоявшей при российском посольстве, написано: «1881 года ноября 18 дня скончался от гангрены член Государственного Совета, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский, 72 лет от роду. Перед смертью был исповедан и приобщён Святыми Тайн протоиереем Василием Прилежаевым. Тело предано земле на Монмартском кладбище в Париже...» В 1991 году прах Муравьёва-Амурского перезахоронен во Владивостоке. Памятники ему поставлены в Хабаровске, Иркутске, Благовещенске. Прекрасный портрет работы художника Константина Маковского запечатлел его на фоне Тихого океана с картой побережья. Внимательный наблюдатель увидит «кавказское кольцо» на правой руке: таким взводили тугие замки кремнёвого оружия, по этому кольцу узнавали друг друга кавказские ветераны... Памятный крест имени Н. Н. Муравьёва-Амурского является наградой Уссурийского казачьего войска — я имел честь быть награждённым этим знаком за исследования по истории уссурийского казачества... Потомки его живут в Петербурге, Казани, Москве... Слава его принадлежит Сибири — от Байкала до Тихого океана...

Мне кажется, что я знал его лично. Когда-то, в другой жизни...

⁷ Рескрипт — царский указ, касающийся отдельной персоны.